

Александр Герзон

**«НЕТ,
НЕ ЗАБЫЛ Я»**

Стихотворения разных лет

Герцлия • ИСРАДОН • 2007

УДК ***
ББК ***
Г 37

Герзон Александр
Г 37 «Нет, не забыл я». Стихотворения
разных лет / А. Герзон. — Герцлия: Исра-
дон, 2007. — *** с.

ISBN ****

© **ISRADON**, 2007
© Герзон А., 2007

Из цикла
«ИСТИНА»

БЕЗОТВЕТНОСТЬ

Там ничто уж не ждет?
Иль душа перейдет
В оболочку иного созданья?
Есть ли ад? Есть ли рай?
Сам пойми-угадай,
Что там скрыто за жуткою гранью!

Много книг я прочел,
С мудрецами я вел
Разговор, ожидая ответа.
И, оставшись без сил,
У Творца попросил
Дать мне верное знание это.
Вопрошал я тогда:
— Разве знанье — беда?
И взывал я без скромности лишней:
— Только «да» или «нет»,
Вот и весь-то ответ!
Но не стал отвечать мне
Всевышний ...

Мир особый — иной,
Там, за гранью земной,
Ожидает, возможно, весь век нас:
Тех немногих, кто знал;
Тех, кто верил и ждал;
Тех, кто вслушивался в Безответность ...

1993

ГРАНИ

У истины — четыре грани.
Одна прозрачностью манит —
Стремится к ней тот гений ранний,
Кто жизнь науке посвятит.

Вторая золотом сияет —
Бесчеловечной красотой,
Сияньем душу ослепляет.
И тьма в душе от грани той.

Хоть блеска нет у грани серой,
Она мягка, гладка, тепла.
Она покоит душу Верой,
Тая исток Добра и Зла.

Но лишь четвертая прекрасна:
За нею скрыт Любви секрет.
Немногим эта грань подвластна.
Неведом этой грани цвет.

Насмешник-шут в Любовь не верит,
Шальной поэт ей гимн поет,

Богач ее деньгами мерит,
Мудрец ей разум отдает.

Ища в судьбе обыкновенной
Необычайнейших утех,
Кружился карнавал Вселенной
Вокруг заветных граней тех.

И много раз в веках бывало,
Что ошалевший карнавал
Хрусталь священных идеалов
Кувалдой злобы разбивал.

Но сдвинул грани, перепутал,
Смешал крутой двадцатый век.
Настала грозная минута:
Себя теряет Человек.

В делах стремительных и спешных
Сплелись единой маятой
И нераскаявшийся грешник,
И неопознанный святой.

Четыре грани — искушенье,
Но счастье общее — в одной:
Б-г есть Любовь — и в том спасенье.
Еще не вздрогнул шар земной ...

БЕЗУМИЕ

В ясный день набухающих почек
Поэтесса, ярясь все сильней,
Жутким пеплом пылающих строчек
Осыпала притихших людей.
Ей, послушны таланту, внимали,
Содрогаясь, ревнители муз.
И витали в болезненном зале
Мрак и Смерть, заключая союз.

Вдруг увидели все: не бескрайни
Иллюзорной площадки края,
Мы танцуем, качаясь на грани
Мига Жизни и Небытия.
Черный пепел лежал на планете,
Солнца луч не касался Земли ...
И слова сумасшедшие эти
Адским пламенем слушавших жгли.

Я подавлен был вместе со всеми
Удивительной силой стихов.
Сжались в точку Простанство и Время,
Многократилась тяжесть грехов.

Но собрал я последние силы,
Ко Всевышнему молча воззвал,
И увидел, что люди — красивые,
Жизнь — прекрасна и светел тот зал.

1996

МАЯТНИК

Качается маятник глухо:
Удары судьбы раздает.
Лишь самое грешное ухо
Могло б уловить его ход.

Качается маятник звонко:
Подарки судьбы раздает.
Лишь чистой душою ребенка
Возможно узнать его ход.

Он грозный и неумолимый.
Он добрый шутник и шалун.
В нем — музыка песни любимой,
В нем — жутких событий канун ...

1993

ПОД ГРОЗОЙ

Поверь: гроза разбушевалась,
Гремя в огне,
Чтоб ты доверчиво прижалась
На миг ко мне.

Чтоб понял я в тот миг священный
Суть бытия:
Во всей бескрайности Вселенной —
Лишь ты и я.

1979

Из цикла
«ПЕСНЬ
О РОССИИ»

Из цикла «Песнь о России»

ПАМЯТЬ О РОССИИ

Разве можно забыть Россию?
Разве можно ее разлюбить?
Там ведь ноги мои босые
По планете учились ходить ...

Там о вечности звезды пели.
О святом шелестела листва.
И из сердца к перу слетели,
В первый стих собираясь, слова.

Там — родительские могилы.
Там — провереннейшие друзья.
Те, что памятью сердца милы.
О таком вдруг забыть ведь нельзя.

Там познал я любовь и голод.
Стал отцом я и дедом стал.
Был наивною верой молод.
Был уснвшею мудростью стар.

Не ревнуй, о Земля Святая!
Болью сердца в любви поклянусь:
Болью древней люблю тебя я,
Болью новой — далекую Русь.

1992

ГРОЗА НА ИРТЫШЕ

Я брел вдоль берега один,
От горьких дум душа болела.
И, как бы вторя грозно им,
Гроза над Иртышом гремела.

Швыряла молнии гроза,
Гремела грузными громами.
Секла дождем, слепя глаза —
Но тек Иртыш меж берегами.

Он воды мутные стремил,
Чтоб слиться с гордою сестрою.
Он Обь великую крепил,
Хоть сам лишался вод порою.

А я вдоль берега шагал
Под той безумною грозою.
И Иртыша свинцовый вал
Смеялся хмуро надо мною.

Ему души моей гроза
Казалась мелкой ерундою,

Бессильной ярости слеза —
Соленой теплою водою ...

Полвека — прочь. В стране иной,
Когда гроза гремит шальная,
Я за иртышскою волной
Спешу, вдоль берега шагая ...

1995—2003

НАПОМИНАНИЕ

Россию жадно я любил:
И лес, и реки, и долины,
И сказки взлет, и звон былины,
И русских душ глубокий пыл.
Я с детства сердцем прикипел
К ее поэзии и прозе.
И лес пилил я на морозе.
И песни русские я пел.

Но если смел на миг забыть,
Что кровь — еврейская, иная,
О той вине напоминая,
Спешил подлец по нервам бить.
Моей судьбой был «пунктик пять»,
Меня не зная и не видя,
Но по анкете ненавидя,
Царапал некто: «Отказать!»

Я в детстве злился, в драку лез.
Потом привык: куда деваться?
И вдруг уже не смог остаться:
Мне дверь открылась, наконец.

Крылами мощными «Эль-Аль»¹
Перенесен я в мир Востока.
И Русь, светла, голубоока,
Как будто бы уходит вдаль.

Израилем дышу, живу,
Любуюсь им, не уставая.
И дремлет память роковая:
Мечта свершилась наяву.
Мне мил мой сказочный народ,
Сам лик Земли обетованной².
Но сон является незваный,
Едва лишь ночь крылом взмахнет.

В том сне — и юности полет,
И поиск, и мираж дерзаний,
Наука разочарований,
Отрада дружбы, боль забот.
В нем оживут отец и мать.
И дом, давно уже снесенный.
И лик Москвы многооконной,
И стих, что пробовал слагать.

¹ «Эль-Аль» — крупнейшая авиационная компания
Израиля.

² Земля обетованная — земля, обещанная евреям
Вс-вышним.

Я понял: лучшие года
Живут в глуби души счастливо —
И ночи ждут нетерпеливо
Они. Российские. Всегда.
На древней родине своей
Во сне я по России плачу,
Хотя звучало там иначе
Понятье гордое — «еврей».

1995—1999

ВЛАДИМИРУ ВАНИНУ

Владимир Федорович Ванин,
Мой славный Черневский сосед!
Среди моих воспоминаний
Оставил ты светлейший след.

Я помню, время не жалея,
Всегда на помощь ты спешил,
Когда с работою моею
Справляться не хватало сил.

Порою грустной, будто зная,
Меня ты в гости приглашал
И, водку в рюмки подливая,
По-русски щедро угощал.

И я, вдали от Красногорска,
Уже второй десяток лет
Благословляю хлебосольство
И бескорыстной дружбы свет.

24 января 2005 года

ОСЕНЬ

Ах, ты, осень, осень золотая!
Сладостно-торжественная грусть!
Стонут птицы, к югу улетаю,
Покидая замершую Русь.

Замер я: в счастливом изумленьи
Околдован радужной листвою,
Взором постигаю откровенье,
Сердцем слышу, осень, голос твой.

Шепчет он опавшими листьями,
Тишиной безветрия звенит
То, чего не выразить словами,
То, что утешает и пленит.

Дивным совершенством умиленный,
Гимны запоздалые пою.
Господи,
прими
мой стих влюбленный —
Благодарность за красу Твою.

А. Герзон ✧ «Нет, не забыл я»

Не уму — душе она понятна,
Та краса, что всюду и во всем:
Струны те, что сладостно звенят нам,
Если в сердце Б-га мы несем.

1991

A decorative border with ornate, symmetrical corner pieces in each of the four corners. The border is composed of thin lines with small decorative elements at the corners.

Из цикла
«ЗЕМЛЯ
ОБЕТОВАННАЯ»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я брожу по Рамат-ха-Шарону ночному,
Непривычно и странно повисла луна.
Шепчет страстно и сладостно
 сердцу больному
Еле слышными шорохами тишина.

И с ума меня сводит в Рамат-ха-Шароне
Удивительных запахов призрак хмельной.
Он рождает в душе переливы гармоний,
Что сливаются с песнею бездны ночной.

Надо мною витают печально и строго
Души тех, кто прошел здесь за тысячи лет.
Надо мной и во мне Бесконечного Б-га
Недоступные разуму сила и свет.

О святая земля! О загадка Вселенной!
В этой нежной и грозной полночной тиши
Я не гость — я твой сын,
 льется гимн дерзновенный
Из глубин потрясенной свиданьем души.

Я вернулся домой после долгих скитаний,
После долгих столетий кошмарного сна,
После многих веков непомерных страданий —
И в усталой душе возродилась весна.

1992

ОКНО НЕБЕС

На этой голубой планете,
От Солнца — третьей,
Есть край чудес.
В нем — город, свят и почитаем:
Йерушалаим,
Окно небес.

И иудей, и христианин,
И мусульманин
Его своим
Священным городом избрали.
Века шептали:
— Йерусалим ...

И вот мы на пороге века,
Где человека
Забота ждет:
Жить родом многомиллионным
Иль быть сметенным
Со всех широт.

К земному раю, к преисподней —
Наш путь сегодня?
Таит ответ
Окно небес, Йерушалаим.
К тебе взываем.
Другого — нет.

1997

СТЕНА СИНАГОГИ

Судный день. Мы молитвой изкора¹
Поминаем ушедших от нас.
Мы полны сострадания и скорби
В этот душу пугающий час.

На восточной стене синагоги —
Десять мемориальных досок.
И скупы, и печальны, и строги
Голоса чернобуквенных строк.

Только имя — и скорбная дата.
Только знак рода войск — иногда.
Нет ни чина, ни лет: все — солдаты.
Всех равняет ухода беда.

Мертв и холоден символ жестокий:
Танк. Пропеллер. Подлодка «Дакар».
Рвется к вечности пламень высокий —
Словно горя нетленный пожар:

¹ *Изкор* — поминальная молитва, читается 4 раза в год.

По стене рвутся к звездам в обитель
Языки неживого огня —
И изкор произносит родитель
В грозном отсвете судного дня.

Дрогнул голос еврея усталый:
Так был молод единственный сын ...
Ни кипа, ни талит генерала
Не белей его горьких седин.

Рядом — узник Освенцима бывший.
Плачут грустные думы его.
Он изкор говорит — схоронивший
Сына, а не отца своего.

Души тихо над ними витают,
Души мужественных сыновей.
И с нездешней любовью взирают
На печальные лица людей.

В том далеком таинственном свете
Им неведомы грусть и тоска,
Звездной лаской бескрайнею дети
Улыбаются издалека.

2002—2003, Рамат-ашарон

Памяти убиенной М.

ТВОЕ ДЕРЕВО

Снова иду по улице,
Где проходила ты.
Тихо собой любуются
Ласковые цветы.
Сладко тревожат запахи,
Рвутся сквозь авточад.
Ветер уносит лапой их —
Ловко и не спеша.

Дерево небывалое
Стонет, осиротев.
Помнит тебя, усталую,
Помнит восторги те:
Как обнимала ствол его,
Радостно обновясь,
Как прижимала голову,
Нежным лицом светясь.

Дерево кроной львиною
Горестно шелестит:
Имя твое любимое
Хочет произнести.

Стон разостлало по небу,
Стон по любви твоей:
Вряд ли сумеет кто-нибудь
Вспыхнуть заменой ей.

1997

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ода солдату

Ты украинец был — и русский,
Казах, грузин, таджик, еврей,
С великой Волги — и с Тунгуски,
И с гор, и с берегов морей.

Пылая гневом и любовью,
Победу ты добыл, солдат.
Ты жизнью заплатил и кровью
За гордый будущий парад.

Швырнул ты вражьих войск знамена
Без громких слов и суеты.
Благословили миллионы
Тот подвиг, что осилил ты:

Солдат, герой войны великой,
Ты от чумы планету спас.
Освободитель многоликий,
Прими земной поклон от нас.

В России ль ты, в далеких Штатах,
Израиль домом ли избрал,
Мы выпьем за тебя, солдата,
До краев налитый бокал.

И помянуть мы не забудем
Сраженных в роковом бою:
Безвременно ушедшим людям
Воспламеним свечу свою.

Рамат-ашарон, 4 мая 2001

ВАРШАВСКОЕ ГЕТТО

Варшавское гетто ... Восставшее гетто
Судьбою героической навеки воспето!
И юн Мордехай Анилевич¹ навеки —
И душу тревожит в любом человеке.

Да, то, что свершили евреи в апреле,
Немногие в мире подлунном сумели ...
Над ними витали, я верю, я знаю,
Великие души: Моше², Хашмонаим³,

Бар-Кохба и Шимшон⁴, и славная Двора⁵.
Душа Жаботинского и Трумпельдора⁶,

¹ *Мордехай Анилевич* — руководитель восстания в гетто.

² *Моше* — Моисей, кто вывел евреев из египетского плена.

³ *Хасмонеи, Бар-Кохба* — руководители восстаний евреев.

⁴ *Самсон* — герой, погубивший филистимлян вместе с собой.

⁵ *Двора* — пророчица, сестра Моисея.

⁶ *Жаботинский и Трумпельдор* — герои, деятели сионизма.

И души бесстрашные всех Макковеев
Витали над битвой варшавских евреев.

И подвиг Юдифи¹, и подвиг Эсфири
Сияли над гетто в межзвездном эфире.
И строились звезды, рисунок слагая,
Чтоб мудрость дала нам цена дорогая.

Чтоб мужество павших в борьбе за свободу
Вернуло единство и силу народу.
Чтоб снова из пепла Израиль явился.
Чтоб мир потрясенный в еврея влюбился.

1998

¹ *Юдифь и Эсфирь* — легендарные героини-еврейки.

*Памяти графа С.
и его жены*

ВДВОЕМ
(Старый граф)

Все в малом городке друг друга знали:
Фотограф Глебыч — это бывший граф,
Жена — еврейка, Ривка (и едва ли
Найдется в мире лучше медсестра).

Веселые, довольные, хмельные,
Вошли фашисты ночью в городок.
А утром грохали шаги чужие,
Переступая дрогнувший порог.

Сказали старику: — Какая жалость!
Но есть приказ евреев удалить.
Графиня же еврейкой оказалась.
Пора порвать нелепой связи нить.

Белее седины лицо белело.
На черные глаза тоска легла.
Но муж промолвил:
— Раз такое дело,

Пойдешь со мной.
Вдвоем.
Как всюду шла.

Шепнула слабо:
— Нет, мой ненаглядный,
Судьба моя — одной уйти сейчас:
Хочу, чтоб ты победы шаг парадный
Увидел в тот, еще далекий час.

Но граф был тверд:
— Не оскорбляй, Реввека,
Желанием кощунственным меня —
Великоросса, мужа, человека!
... А через час ударил залп огня.

И медленно на землю оседая
В объятии торжественном своем,
Российский граф и с ним жена седая
Ушли из жизни. Как всегда — вдвоем.

1946

СЛЕЗЫ

Во власти горького кошмара
Видавший виды генерал
У трижды проклятого яра
Слезу украдкой утирал:

Он словно видел тел паденье,
Предсмертную тоску в глазах,
И палачей осатаненье,
И автоматов злой размах.

Он слышал стариков молитву,
Стон матерей, младенцев крик.
Он, не одну решавший битву,
Тяжелой головой поник,

Как будто не прошло пол-века,
А он, Ицхак, один из них,
Кого отродье человека
Безвинно губит в этот миг ...

Над Бабьим Яром плакал Рабин¹,
Былых сражений командир.
На миг от горя стал он слабым —
Герой побед, борец за мир.

2 ноября 1999 года

¹ Рабин — боевой генерал, премьер-министр Израиля, убит евреем-экстремистом.

СЛОВО О ЖЕНЩИНЕ

Строку нехитрую свою
Направлю к цели благородной:
Я славу женщине пою
Сегодня, в День международный.

* * *

За то, что плоть и кровь дала
Заботой трепетно-влюбленной.
За то, что в муках родила,
Баюкала в ночи бессонной.

За то, что пламенную страсть
В душе мужчины зажигает.
За то, что не дает упасть
Тому, кто вдруг себя теряет.

За то, что с мужем наравне
Тугую лямку жизни тянет.
За то, что дорога вдвойне,
Когда седой с годами станет.

За то, что всюду впереди
Тот, кто святой любви достоин.
За то, что на родной груди
Ребенком плачет гордый воин.

Я славлю женщину за все:
За поцелуй — и за ворчанье,
За кулинарное чутье —
И дел мужских непониманье.
За то, что ласковой рукой
Снимает горькую усталость.

* * *

За то, что каждому — такой,
Какую заслужил, досталась.

8 марта 1998 года

Из цикла
«МОЛЬБА»

Из цикла «Мольба»

ПУСТЬ БУДЕТ ТАК!

На расстояньи многих миллионов
Тех световых невероятных лет
Звезды сверхновой юная корона,
Пронзая Космос, к нам простерла свет.

Быть может, так. А может быть, приснилось?
И та звезда — фантазия, мираж?
Мне в телескоп смотреть не приходилось,
Хотя об этом я мечтал не раз.

Но слышал я, что звезды небосклона
Судьбы людской определяют ход.
Сверхновая! Коленопреклоненно
Прошу исправить звездный хоровод!

Чтоб судьбы он соединял людские
Гармонией народов, стран и рас,
Чтоб стал Нью-Йорку братом древний Киев,
Москва — сестрой Парижу в звездный час.

Пусть будет так! В дали многовековой
За твой невероятный звездный труд
Потомки наши именем сверхновой
Все лучшее на свете назовут.

1987

МОНОЛОГ

Ты придешь?
Я заруюсь лицом в твои волосы —
Ласковые,
Смешливые.
В глаза твои буду смотреть,
Чтобы вдруг
Понять:
Счастье — не сон избитой фантазии.
Постой!
Подожди!
Если уйдешь, не дослушав,
Умру я —
Вот здесь, вот на этой скамье.
Средь белого дня.
Под ветвями,
Кивающими дуновенью
Беззлобного теплого ветра.
Умру я!
Не веришь?..

Люди!
Остановитесь!
Не бойтесь
Опоздать на минуту.
Послушайте:
Не могу без нее, не хочу!
Понимаете, правда же?
А она
Не желает понять, все смеется ...
Что ж, я буду сегодня один,
Как один был вчера.
Целый вечер ...
И ночь ...
Я уснуть не смогу:
Буду слушать биение сердца ...
А ты незаметно, спокойно уснешь,
Потому что
Ты любишь весь мир.
А я почему-то люблю
Тебя ...

1977

ЧТОБ ЗАБЫЛ ...

Радость ты моя,
ненаглядная!
Зовноокая, непонятная!
Спрячь лицо мое
в волосах хмельных,
Чтоб забыл себя
хоть на малый миг.

Чтоб забыл про боль
крыльев связанных,
Дел не сделанных,
слов не сказанных,
Ласк не траченных —
приневоленных,
И грехов —
больших, неотмоленных.

1981

СЛОВ НЕ НАДО!

Ты мила и хороша,
Как весна.
И светла твоя душа,
И ясна.
Свет тот добрый сердцу мил
Моему.
Неужели полюбил?
Не пойму ...
Помоги найти ответ,
Поспеси:
Без него покоя нет
Для души.
Сам найду ль ответ в глуби
Карих глаз —
Навсегда ли полюбил
Иль на час?
Только слов не надо, слов —
Звеньев лжи!
Столько стянуто узлов —
Развяжи ...

1983

Из цикла
«БОЛЬ»

**БАЛЛАДА
О ШЕСТИ МИЛЛИОНАХ**

О как прекрасна жизнь! Как хороша!
Как мы боимся смерти, ран и боли ...

* * *

У каждого из них была душа —
Неповторимый сгусток Б-жьей воли.

* * *

И были разных возрастов тела
У тех шести убитых миллионов.
Их смерти пасть безвременно взяла.
Удушенных. Расстрелянных. Сожженных.

* * *

Ушли они не в яростном бою.
Обманом подлым взяли безоружных.

* * *

Младенцу мать давала грудь свою
Для трех глотков,
совсем уже не нужных.
— Шма, Израэль, —
шептал слепой старик,
Творя свою предсмертную молитву
И вспомнив ясно в тот последний миг
Верден, потерю глаз — и крест за битву.

* * *

И наспор разрубал кретин сплеча
Мальчишечку не дрогнувшей рукою.

* * *

И Януш Корчак шел с детьми к печам,
Подбадривая ложью их святою.

* * *

И истреблял невинных подлый врач,
Остервенелый экспериментатор.
Не тронули ни стон, ни крик, ни плач.
Ни зов забытой клятвы Гиппократ.

* * *

Мир содрогнулся — и рукой ООН
Вернул страну древнейшему народу.
Но столь же древний целится дракон
На жизнь Израиля и на свободу.
Зовут дракона — Антисемитизм,
Три головы смертельным дышат ядом:
То — псевдокоммунизм, то — паннацизм,
То — терроризм, который вечно рядом.

* * *

Полвека вновь растет шальной дракон.
Он знает: погубить землян так просто,
Начав с евреев ... И внушает он,
Что не было в Европе Холокоста —
И не было на огненных фронтах
Тех сотен тысяч воинов-евреев:
И тех, что живы, с грудью в орденах,
И тех, кто пал в бою, — пал, не старея.

* * *

Запечатленным фактам вопреки
Три головы усердно в мир швыряют
Зловонной лжи словесные комки —
Повтором их в умы людей внедряют.

* * *

Шесть миллионов с неба вопиют.
Шесть миллионов жертв к умам взывают:
— Три головы с Израиля начнут,
Потом дракон планету растерзает.

10 октября 2002 года

ДРУГ

И в беде, и в горести,
И часами скучными,
И в шальной веселости
Были неразлучны мы.

Ни весной победною,
Ни усталой осенью
Ты меня не предала,
Ты меня не бросила.

Нет у тебя истинных
Имени и отчества,
Друг ты мой
 единственный —
Мука одиночества.

1987

ДУША

Ты душу сквозь мороз поспешно
Несла, любя.
Что мне душа? Я плотью грешной
Желал тебя.

А ты любви моей хотела
Когда-нибудь ...
И, веря, отдавала тело,
Свершив свой путь.

И уходила, успокоясь,
В мороз ночной.
И разговор пыталась совесть
Вести со мной ...

Один я. Годы скорбно тают
В потоке дней ...
Как мне сегодня не хватает
Души твоей ...

1992

НЕ СЕРДИСЬ ...

Не сердись на меня, не надо!
Говорю тебе не в укор:
Ты — за муки мои награда,
За грехи мои — приговор.

Долго ждал я того свиданья,
Что обещано в дальнем сне.
Я изверился в ожиданьи ...
Как же долго ты шла ко мне!

Ты чужая — и ты родная,
Миг — и век ты была со мной.
Чашу ревности пью до дна я
За бокалом любви хмельной.

Знаю правду, тебе не веря.
Снова верю, обняв тебя.
Ты — находка, и ты — потеря.
Так измучился я, любя!

Не сердись на меня, не надо.
За решение мое — прости:
Ты — украденная награда,
Ухожу с твоего пути ...

1971

НИЧЕЙ

С дерева веселым листопадом
Сыплются на землю воробьи.
Пес бездомный возникает рядом.
Тянет он ко мне глаза свои.

Боль в глазах — сильнее недоуменья,
В них мольба — сильнее любых речей.
Сносят дом. Жильцам — переселенье.
Пес был общий, стал теперь — ничей.

Он скулит, ползет ко мне моляще —
И кричит в глазах его тоска,
Что не знал любви он настоящей
(Той, что знал, — цена невелика) ...

— Здравствуй, друг!
И я искал здесь счастье.
Ты тогда пушистым был щенком.
Вспомнил?.. Я узнал тебя по масти,
Тоже вспомнил ...
Вырос в горле ком ...

Воешь, пес? В душе я так же вою
Посреди пустынной суеты ...
Не проси — не взять тебя с собою:
Я ведь сам ничей. Такой, как ты ...

1973

ПАМЯТНИК (Мать)

Я шел домой с полночного свиданья
По улицам предутренним пустым —
И вдруг увидел: мать, как изваянье,
Стоит, в окне распахнутом застыв.

И болью покаянную пронзила
Мне душу неоплатная вина —
И памятником в глубь ее вносила
Застывшую фигуру у окна.

1981

ПОЛОВИЦЫ

Вдруг заскрипели половицы.
По ним прошли в ночной тиши.
Не зная, как им сладко спится,
Как дивно сны их хороши.

Как видится им бор могучий,
Где пенье птиц и шопот крон,
И солнца луч, и влага тучи,
И братьев строй со всех сторон.

Ужасен миг их пробужденья,
Всегда безрадостен рассвет,
Несущий топот униженья,
Бессмыслицу грядущих лет.

1978

ПУХ ТОПОЛИНЫЙ

Помнишь, зимою — холодной и длинной —
Я обещал тебе пух тополиный?
Чудо веселое летом бывает:
Пух нашим городом овладевает.

Вот он, обещанный, спит на аллее,
Свадебным кружевом зыбко белея.
Лег он напрасно фатою крылатой:
Ждет он тебя, но его не ждала ты ...

В шелесте листьев все дальше и тише
Шопот прощанья из прошлого слышен,
В мареве тает улыбкой далекой
Сон мой — не сбывшийся, голубоокий.

Время придет: уберут, не жалея,
Пух тополиный из нашей аллеи.
Выметут

крепкой
садовой
метлою.

Слепо гребущей.
Не доброй.
Не злою.

1971

ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ

Я спросил:
— Мы могли бы
 хотя бы
 остаться друзьями?
Ты ответила: — Нет!
И повис над моей головой,
 как черное знамя,
Беспощадный ответ.

И под знаменем этим,
 тоскливой и ложной дорогой
Я, шатаюсь, пошел.
Но замены любви нашей —
 странной, шальной и убогой —
Я нигде не нашел.

И зашел я в тупик.
 Затерялся в толпе бестолковой.
О великом трубя,
Я взываю
ко всем —
 с болью, мне непривычную,
 новой.

Но зову —
лишь тебя.

1978

ЖОЛУДЬ

Я шел вдоль дороги утром.
С обеих сторон дороги
Деревья стояли грустно.
Взглянул я на них — и вздрогнул:
Заламывал бедным руки
Какой-то нездешний ужас.
Он шел из земли, вспотевшей
От холода прошлой ночи.
Кричали деревья страшно,
Но крика не слышно людям.
Идут равнодушно мимо
Столетних дубов-красавцев.
Я думал о том, что лесом
Стояли дубы когда-то.
Приют они всем давали,
Гордились они собою.
А люди, едва явившись,
Леса вырубают слепо.
Вгрызаются в глубь земную,
И воздух, и воду губят.
И, став на колени горько,
Шептал я: — Прости, брат старший!

Опомнятся, верь мне, люди:
Мы дети одной планеты.
Мы дети одной Природы.
Пора нам понять друг друга.

* * *

И дуб уронил свой жолудь
В протянутые ладони.

1986

СИЛЫ ГРОЗНЫЕ

Ты пришла ко мне зовных глаз огнем,
Силы грозные улыбались в нем.
По ошибке ли, по капризу ли,
Силы грозные встречу вызвали,

Дали ласку ту откровенную,
Что взяла в себя всю Вселенную,
Раззадорили душу грешную
И забросили в тьму кромешную?

1988

Из цикла
«ПРИЗНАНИЕ»

ЧУДО

Тебя я встретил в трудный час:
Ломала грудь тоска.
Но вспыхнул свет волшебных глаз —
И стала жизнь легка.

Все дивный свет преобразил:
Его живой восторг
Вдруг переулку подарил
Немыслимый простор;

Не тучи в небе — синий смех;
Не грязь внизу — ковер;
И у людей, у птиц, у всех —
Душевный разговор.

Я память потерял свою,
Тем чудом потрясен ...

* * *

Так в переулке и стою.
А остальное — сон ...

1978

ГАДАНИЕ (Ворожея)

Хной иранской сказочно рыжея
В сигаретном ядовитом дыме,
Мне судьбу бросала ворожея
Белыми руками молодыми.
Карты пожелтевшие рядами
Строились законом тайных линий:
Я, король, стремился к дальней даме,
Оставаясь в подлой середине.

Выпали дороги, расставанья
И пустые хлопоты о счастье,
После очень позднего свиданья
Ждали и утраты, и напасти.
Крикнул ей: — Зачем пришел к тебе я?!
Мне другая лучше наворочит!
Тяжко улыбнулась ворожея:
— Обмануть свой Рок никто не может.

Годы шли. Но я, как день вчерашний,
Помнил то жестокое гаданье,

Темный взгляд: то ласковый, то страшный,
Сизый дым — и белых рук метанье.
Роковым тот вечер оказался,
Грозною ошибкою моею:
Все сбывалось, как я ни старался
Обмануть судьбу и ворожею ...

1993

ТРЯСОГУЗОЧКА

По дороге, вьющейся и узкой,
Шел я утром вверх неторопливо.
Здесь и повстречался с трясогузкой,
Птичкой дней былых моих счастливых.
— Здравствуй, трясогузочка родная!
Ты ли моей юности свидетель?
Глядя на тебя, припоминаю
День, что цвел так чист, горяч и светел.
Было то в сторонке дальней, русской,
Где пленила дева молодая:
Я болтал о счастье с трясогузкой,
Милую в аллее ожидая.
Бегала скорёхонько пичужка,
(Благо пицца всюду находилась).
Бегала, прислушиваясь чутко,
Глазиком тревожным сторожилась.
Но казалось мне, что понимает
Сердца раскаленного томленье,
Что головкой ласково кивает,
Унимая всех тревог волненья.
Жизнь моя с тех пор до слез, до боли
Странно и причудливо слагалась.

Не из равнодушья — поневоле
Птичка без вниманья оставалась.
— Я увяз в нелепой круговерти,
Потерял совсем тебя из виду.
Ты прости, прости меня, поверь ты:
Я люблю тебя! Забудь обиду!
Здесь, под небом Рамат-ашарона,
Умиляешь ты нежней, чем прежде, —
Оживляя струн бывшего звоны
О любви, о вере и надежде.

23 июня 2002 года

САМООБМАН

Поверь мне, женщина, всегда я уставал
От сладкой лжи и полуправды пресной,
От незаслуженных упреков и похвал,
Скучнейших дел и цели интересной.

Но вот к твоей груди приникла голова.
Я слышу сердца гулкое биенье,
Пьянящий шопот твой
(не разобрать слова ...) —
И нет усталости, и я гоню сомненья.

Твой взор распахнутый
я с жадностью ловлю:
Сияет он, обманно чист и ясен.
И снова кажется, что я любим, люблю,
Что верю я. Что этот мир прекрасен.

1955

В ХРАМЕ

Я видел: ты, крестясь на образа,
Прощения неистово просила —
И озарила мрачные глаза
Любви нежданной,
 чистой веры сила.

Я, атеист, подумал в этот миг
О тщетности
 искать спасенья в Б-ге,
Не зная, что приду,
 больной старик,
Молить, как ты.
 В далекой синагоге.

2002

ИСПОВЕДЬ

По грязи и пороше
Шел нетвердой ногой
Я — плохой, я — хороший,
Я — ни тот, ни другой.

Шел за правдой своею,
Заплетаясь во лжи, —
И ломал себе шею,
Одолов рубежи.

1986

Из цикла
«МУЗЫ»

Из цикла «Музы»

МОЙ ПУШКИН

Когда я в дальней деревушке
Читать учился по складам,
Мне Александр Сергеич Пушкин
Был книжкой дивных сказок дан.

Пленен его строкой певучей,
Я чтенью быстро был обучен ...

С тех пор прошло немало лет,
Но сердцу не было и нет
Милей, чем Пушкинская лира:
Свободней, звонче и нежней
Не встретил я в потоке дней
И в голосах большого мира ...

Храня в душе любовь свою,
Я славу Пушкину пою.

1989

ГЛАЗА

Глаза бывают важные,
Воинственно-отважные,
Желаньем тайным влажные
И жалкие подчас.
Глаза бывают чуткие,
Шальные, злые, жуткие,
С мольбой иль подлой шуткою
Глядящие на нас.

Глаза бывают честные,
Игривые и пресные,
Влюбленностью прелестные
Иль зоркостью ума.
Глаза бывают лживые,
Тревожные, трусливые,
Коварные, смешливые —
И те, в которых тьма.

Глаза бывают томные,
И наглые, и скромные,
И светлые, и темные,
И добрых глаз не счесть.

Бывают взоры гордые,
И робкие, и твердые.
Притом очки двугорбые
Для скрытых взоров есть.

Откуда ж те — иконные:
Огромные, бездонные,
Всезнанием утомленные,
Те вещи глаза —
К великому зовущие,
По Космосу плывущие,
Времен завесу рвущие,
Надежда и гроза?

Таланта совесть ясная,
Душа его прекрасная
И к миру воля властная
Во взоре том горят.
Зажжен навек художником,
Взывает все тревожней к нам
Неугасимым ожигом
Сердца разящий взгляд.

ГОЛОС АННЫ GERMAN

— Один раз в год сады цветут, —
Услышал голос я однажды.
И был пленен. Так в плен берут
Бессильных от мучений жажды.

И будто бы воды глоток,
Который к жизни возрождает,
К нездешней тайне душу влек
Тот голос, будни побеждая.

Прошли года. Больной старик,
На миг я юн, как в тот раз — в первый,
Едва лишь лента повторит
Волшебный голос Анны Герман.

2 августа 2001 года

ДИРИЖЕР

Стоял дирижер за пультом.
Казался он полководцем:
Его повелительным жестам
Оркестр отвечал покорно.

Взлетал дирижер, как птица.
Сражался, как смелый воин.
Мечтал, как юнец влюбленный.
Просил, будто старый нищий.

И музыка то стихала,
То грозно вздымалась к небу,
То плакала, то смялась,
Послушная воле взмахов.

А в зале сидели люди,
И с ними вершилось чудо:
Завесу веков прорвавший,
В сердца их

вливался

Моцарт.

1981

КОНЦЕРТ РИХТЕРА

То — удары рук, то — лишь касанье,
То — мельканье быстролетных пальцев
Заставляли отзываться струны —
И сердца людей соединялись,
Музыке пульсируя навстречу,
Замирая — и взрываясь страстью.

Пробуждались чувства, для которых
Не всегда легко найти название.
Среди них была людская гордость:
— Вот что он, один из нас, умеет!

Рвали тишину аплодисменты —
И играл он снова ... И еще раз ...

Наконец, усталость музыканта
Поняли восторженные люди —
Стоя, провожали.

Чуть сутулясь,
Уносил он нашу благодарность
За богатство, отданное щедро
И навек оставшееся в каждом.

1978

ПОЭТ (Тропка)

Шла — крепконогая, босая —
По пыльной тропке жарким летом.
А рядом — взгляд порой бросаю —
Чудак, что позже стал поэтом.

Он любовался гордым телом,
Косою длинной, шагом легким.
Быть может, унести хотел он
Ее к мирам чужим, далеким?

Иль, чувством новым окрыленный,
Он в этот миг, себе на диво,
Слагал свой первый стих влюбленный —
Не совершенно, но правдиво?

Тропинка кончилась вокзалом,
Чудак простился с отчим краем ...
Слова, которых не сказал он,
В стихах поэта обретаем.

1958

ШАЛАШ

Вдалеке от шумного веселья
Тех, кто ловит красного коня,
Из листвы сложил себе постель я,
И шалаш огородил меня.

Был покой. Но тут, рукою гибкой
Отворяя солнцу путь в шалаш,
Девушка с доверчивой улыбкой
Разорвала сонной лжи мираж.

И увидел небо я живое,
И ходил под небом красный конь,
Подзывал глазастой головою
И копытом высекал огонь.

Я к нему со смелостью мгновенной
Совершил немислимый прыжок —
И помчался конь по всей Вселенной,
Будто гневный кнут его ожег.

Крикнула мне девушка вдогонку:
— Глаз не жмурь! Назад — не оглянись!
Свой шалаш — забудь!

И долго, звонко
Те слова вослед за мной неслись.

Красный конь, волшебный конь удачи,
Поднялся в неведомую высь:
Начинал я видеть жизнь иначе —
Словно свечи вдруг во тьме зажглись.

Битвою Добра со Злом извечным,
Дружбой Лжи и Правды потрясен,
В омуте Пространства бесконечном
Начал постигать я связь времен.

Начал постигать я единичность
Атомов и звезд — и душ людских,
Их разъединения трагичность,
Ценность и неповторимость их ...

Мчался конь, галактики пронзая,
Обгоняя время, конь летел —
И зажмурил в ужасе глаза я,
И покой вернуть я захотел ...

А когда я снова поднял веки,
Был один все в том же шалаше.
Конь исчез. Исчез мой конь навеки.
Лишь осталась боль в пустой душе.

Из цикла
«ПЕСНИ»

Из цикла «Песни»

МАССОВИК

*(из мюзикла-детектива «Сорвите маски»,
соавтор сценария — А. Зыков, муз. И. Тама-
рина)*

Если вы нахмурились с утра,
Если вы и вечером грустите,
Если и сегодня, как вчера,
Даже улыбнуться не хотите,
Если вас не радует ничто,
Даже то, что вы в костюме новом,
Если надоело спортлото
И не интересно домино вам,
Возвратит улыбку вашу вмиг
Молодой волшебник-массовик.

Если ваши нервы зашалают,
По врачам напрасно не ходите,
На массовика направьте взгляд
И его ответный взгляд ловите.
Массовик — веселья дирижер,
Он — экскурсовод, судья на матче,
Музыкант, актер и режиссер,
Вдохновитель творческой удачи.

Не читайте медицинских книг —
Нужен вам профессор-массовик.

Сколько добрых и красивых дел
Массовик находит непрестанно!
Даже Змей Горыныч подобрел
И смеется звонко Несмеяна.
Дело по душе и вам найдет,
Одарит веселою заботой —
И старушка лихо в пляс пойдет,
И заговорит молчун с охотой.
Он новатор и передовик,
Мастер настроенья — массовик.

1975

ПЕСНЯ О РАЗЛУКЕ

*(восстановленная автором по памяти песня
из мюзикла-детектива «Сорвите маски!»,
соавтор — режиссер А.Зыков, композитор —
И. Тамири).*

Разлучили землю с небом облака,
Серый ветер их принес издалека.
Ой, ты, небо, небо милое, вернись!
И земле, своей любимой, улыбнись!

Припев:

Шальные ветры, темень облаков!
Не угасить вам светлую любовь!
Она горит у сердца в глубине,
Дан свет ее навек тебе и мне.

Разметали злые ветры нас с тобой,
Хоть подарены друг другу мы судьбой.
Я судьбу молю, тоскуя и любя,
Чтоб скорей она вернула мне тебя.

Припев.

Проверяет нас разлукою любовь:
Коль верны мы, засияет солнцем новь
И разгонит добрым светом облака —
У любви великой сила велика.

Припев.

1975 — 7 сентября 2004 года

ПЕСНЯ ТУРИСТОВ

*(из мюзикла-детектива «Сорвите маски»,
соавтор сценария — режиссер А.Н. Зыков,
муз. Иосифа Тамирина)*

Мы туристы, и нам
Не сидится на месте:
Нас зовут горизонты далекие.
По лесам, по горам
Мы с веселою песней
Одолеем маршруты нелегкие.

Карту в руки турист берет —
Это сердце в поход зовет.
А когда раздобыл рюкзак,
Сделал первый туристский шаг.

Если вдруг загрустил
И безоблачным утром
Даже солнце сияет, не радуя,
Значит, надо пройти
По туристским маршрутам —
Будут песня и дружба наградою.

Так смелее, смелее в путь!
Стань веселым, веселым будь!
По маршруту вперед иди
И в походе друзей найди!

Словно сбросив года,
Мы с природой роднимся,
Красотой первозданной любуемся.
Не спешим никуда,
Опоздать не боимся
И о срочных делах не волнуемся.

Выбирает свой путь турист:
Это — воздух, который чист,
Это — горы, поля и лес,
Это — синяя ширь небес.

Мы вернемся домой
Из похода большого
С нашей радостной бодрою песнею.
Адрес твой, адрес мой
Сохраним, чтобы снова
Дружно двинуться в дали чудесные.

1975

ЕДУТ ЛЮДИ ...

Номер твой набрал,
но вдруг пришла усталость —
И едва сказал, что взял билет.
Ты молчала. Все молчала, но казалось,
Слышу я отчаянное: «Нет!»

Припев:

Едут люди. Люди вдаль стремятся.
Где-то ждут, а где-то будут ждать.
Едет тот, кому нельзя остаться.
Едет тот, кто мог не уезжать.

В нервной суете вокзального перрона
Ты меня негаданно ждала.
Под окном поплывшего вагона,
Торопясь, тревожно, обняла.

Припев:

Едут люди — и т. д.

А. Герзон ✧ «Нет, не забыл я»

В сумрачную даль тебя отодвигая,
Убегал полуночный вокзал —
И кричал я, ветром губы обжигая,
Те слова, что раньше не сказал.

Припев:

Едут люди — и т.д.

1976

A decorative border with ornate, symmetrical corner ornaments in each of the four corners, enclosing the text.

Из цикла
«БАСНИ»

СЕКРЕТ ОСЛА

Однажды как-то в дальний Лес
Осел начальником пролез.
Не обошлось, видать, без брата
(Тот брат со Львом служил когда-то).

Ослу легко руководить:
Взошел на пень — и ну вопить!
Вопил он и стучал копытом,
А что к чему — пойди, пойми там ...

Бобры ж, медведи, барсуки,
Ослиным воплям вопреки,
Как прежде, делом занимались —
И планы Леса выполнялись.

Совсем Осел тут обнаглел
И Льву пообещать посмел,
Что за год станет больше вдвое
Его хозяйство боровое.

Лишились звери языка ...
Но (то ль традиция крепка,
То ли Осла упрямство знали)
Все дружно лапы «За» подняли.

Вот год прошел, и Лес подрос.
Замерили его прирост.
Да что замер, коль видят дети:
Прибавил Лес поменьше трети.

Плохие, стало быть, дела ...
Но тут Лиса совет дала
Писать отчет о выполнении
И ... о пожаре ... в воскресенье ...

Осел Лисе — цыпленка в дар.
А в воскресенье — впрямь — пожар.
Геройство звери проявляли
И Лес, конечно, отсталяли.

И сам Осел с Лисой вдвоем
Был опален лесным огнем.
Что ж, Лев спасителя поздравил —
И в Большой Лес вопить направил.

С собою взял Осел Лису:
Писать отчеты в том Лесу.

* * *

Секрет ослиного почета —
Не в лисьей ли строке отчета?

1975

ЛИШАЙНИК И СКАЛА

Скала незыблемо стояла
Над горной кручей много лет.
Ее и Солнце раскаляло,
И Ветер свой печатал след.
Дожди секли неумолимо.
И злобно рвал ее Мороз.
Все ярче были различимы
Следы тех яростных угроз.

Вдруг на Скале хитрец Лишайник
Пророс, откуда ни возьмись.
Сперва — один клочок случайный,
Потом — другие разрослись.
И вот уже Скала покрылась
Лишайником до самых пят.

Он шепчет ей, чтоб не сердилась:
— Я твой защитник, друг и брат.
Собой я скрыл твои морщины,
Укрыл от Ветра и Дождей,
И потому не без причины
Питаюсь кровью я твоей.

* * *

Судьба Скалы, увы, горька мне:
Она, как видно, упадет;
Катясь, расколется на камни;
Лишайник в каждом — оживет ...

1989—1999

СКУНС¹

Впустили Скунса в Лес однажды ...
Вот первым струсил Волк отважный.
Медведь сбегал, коль Скунса видел.
Сам Лев, робея, ненавидел.
Секрет такого страха прост.
Все знали: Скунс поднимет хвост,
Вонючей обольет струей —
Ты всем чужой ... Хоть плачь и вой!
А Скунс все более наглел:
Себя он Волком звать велел,
Потом — Медведем. Наконец,
Всем объявил: — Я Льву — отец.
Лев на совет зверей зовет —
И слово тут Лиса берет:
— Коль Скунса вес уж так возрос,
Пусть остановит тепловоз!
Ответа звери ждут в тревоге ...
Хихикнул Скунс: — Пойдем к дороге!
Все убедитесь, как один:

¹ *Скунс* — американская вонючка, млекопитающее семейства куньих, защищается зловонной струей жидкого кала.

Я и на рельсах — господин!
Пошли. На рельсе Скунс сидит.
Вдруг Тепловоз ему гудит!
Ни с места зверь, струю пустил!!!
... Но в тот же миг раздавлен был ...
Зажав носы, земле предали.
Но вывод сделали едва ли —
И новый Скунс уже пролез
В тот самый — добрый, старый Лес ...
Он осторожней и хитрей
Того, что сел на рельс скорей ...

1992

ЦЕНА

Осел был недоволен Львом —
И править сам желал зверьем.
Подумав, со Змеей Осел
О троне царском речь завел.

— Спешу, Осел, — шипит Змея, —
Помочь тебе согласна я:
Ужален будет враг любой,
Который вступит в бой с тобой.

Осел поверил — вверх пошел,
Ступенями овладевая.
Ужален Волк, Медведь, Орел —
И вот вершина роковая ...

Дрожа, Осел на Льва напал.
Но тот ему хребет сломал.
И тут же сам ужален он —
Змея, шипя, вползла на трон.

А. Герзон ✧ «Нет, не забыл я»

* * *

Мораль проста у этой басни:
Змея как друг — врага опасней.

1992

A large, rectangular decorative border with ornate, symmetrical corner pieces. The border is composed of a thin line with small decorative elements at the corners and midpoints of the sides.

Из цикла
«УЛЫБКА»

УЛЫБКА

Новый свет в моем сердце горит:
Улыбнулась мне утром Ирит.
И — умчалась, стройна и легка,
Разогнав моих лет облака.

О как вовремя был он сейчас,
Свет улыбки пленительных глаз,
Тех, что высшей красой хороши —
Светлой радостью юной души.

1997

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Когда влюбленный, молодой,
Склонился я перед тобой,
Сказала ты:
— Чтобы любить,
Мужчина зрелым должен быть.

Помчались дни — я зрел, мужал.
Я руку к сердцу вновь прижал.
Но ты сожгла надежды нить:
— Любовник юным должен быть.

1965

САМЫЙ-САМЫЙ

— Как мне жаль, что я — обыкновенный! —
Он сказал, восторженно любя. —
Потому что нет во всей Вселенной
Девушки, достойнее тебя.

— Как мне жаль, что я не самый мудрый:
Я б трудился, не жалея сил —
Для моей подруги златокудрой
Тайну хода времени открыл.

— Как мне жаль, что я не самый смелый:
Я бы с тигром злобным в бой вступил —
И к ногам невесты гибкотелой
Шкуру полосатого сложил.

— Как мне жаль, что я не всех красивей:
Стала бы со мною рядом ты,
Чтоб возникло в телеобъективе
Чудо совершенной красоты.

— Не жалея, — любимая просила.
И шептала:

— Ты и так, родной,
Самый мудрый, смелый и красивый.
Потому что —
самый-самый ...

мой!

1992

ГОЛОСА ПТИЦ

Бормотал на крыше грач —
Доверительно, толково.
Будто очень чуткий врач
Успокаивал больного.

* * *

Стесняясь внешности своей,
Из-за листвы пел соловей.
И посвящал он песни те
Не внешней — высшей красоте.

* * *

О том, о сем и обо всем
Трещала весело сорока:
Надеялась, что не пойдем,
Как страшно ей и одиноко.

* * *

Усеяв деревьев кроны,
Затеяли крик вороны.
Злорадно они вещали
О муках чужой печали.

114

* * *

Не унывающей стайкой
Вспорхнув над солнечной лужайкой,
Друг другу пели воробьи:
— Чирик — и век!
— Живи в любви!

1969

115

МЕЧТАНИЯ

Коль стал бы я миллиардером,
Собрал бы всех кошек планеты:
Кормил бы я их, наслаждаясь
Мурлыканием благодарным.

Собрал бы старух одиноких —
И кошек кормить разрешил бы:
Пусть тоже они б наслаждались
Затребованностью своею.

Собрал бы слепых и увечных,
И каждому няньку бы дал я.
А няnek за то наградил бы
Приданным и другом любимым.

Собак я собрал бы бездомных
И сделал бы их сторожами
Всех кошек, всех няnek и слабых,
Всех бедных, больных и усталых.

За это я их наградил бы
Едой, конурой и свободой.
И старость бы их обеспечил.
(Но кошек гонять запретил бы).

Собрал бы я всех негодяев
На белых снегах Антарктиды,
Оленей им дал бы и чумы,
Оружие только отнял бы.

Я сам поселился бы в чуме,
Отдав миллиарды народу,
Поскольку их не заработал
Трудом иступленным и честным.

Примером, а не пропагандой
Я б вызвал к Добру ностальгию —
И с лаской домой возвращал бы
Всех тех, кто к Добру устремится.

Довольный собою, я в чуме
Все ждал бы хвалы и признанья,
Пока не открыл бы однажды,
Что надо идти к психиатру ...

1 января 2003 года

Из цикла
«УСМЕШКА»

Из цикла «Усмешка»

ЗАБЛУДШИЕ

День свиданья — тайная награда.
Вновь запретно он утешил нас
Тихой песней умиленных взглядов,
Взрывами полубезумных ласк.

Шепчет дождь, твой зонтик очищая,
Что пришел прощанья грустный час.
Снова я чужой, и ты — чужая.
Снова гаснет свет сиявших глаз.

Мрачная, ступая слепо в лужу,
Зонтиком взмахнув на счастье мне,
Снова ты идешь к зануде-мужу.
Я вернусь к зануднейшей жене.

А вчера, быть может, грустно где-то
Расставался с кем-то твой супруг.
И моя жена, другим согрета,
Выскользала из горячих рук.

И, спокойно огибая лужу,
Остужая душу в глубине,
Шла, вздохнув,
 ко мне, к зануде-мужу.
Шел твой муж —
 к зануднейшей жене.

1985

ПРОДАЖА

На старом, но бойком базаре
К забору собак привязали
Хозяева их — продавцы
(в собачьем понятии — отцы ...).

Наверно, причина бывает,
Что друга продать заставляет.
И вряд ли при этом важна
Базарная другу цена.

Хозяев лаская носами,
Махали собаки хвостами
И лаяли на чужаков —
Собачий обычай таков.

Всегда ль так бывает, везде ли,
Но вовсе в глаза не глядели
Хвостатым друзьям продавцы
(в собачьем понятии — отцы).

Кричал я заблудшей собаке:
— Что люди — отцы, это — враки,
Что люди — друзья, это — ложь!
На рынке ты правду поймешь!

О преданность, дикая сила!
Собака меня ... укусила —
За горькую правду мою ...
Так было, вам слово даю.

1977

ВОРОБЕЙ

Я люблю воробья, эту малую птицу,
Не за то, что в России зовется *жидом*,
А за то, что малыш никого не боится,
Что он весел и скор, и везде ему — дом.

Видел я воробья и в Москве, и в Варшаве,
В Бухаресте, в Эйлате, в низовьях Оби.
Ни ворона, ни голубь ему не мешали
Отхватить свой кусок — и предаться любви.

3 октября 2005 года

ГОРЬКИЕ СЛЕЗЫ (Поздние слезы)

У скромных памятников ваших,
Что гордых обелисков краше
Простой безгрешностью могил,
Я слезы поздние пролил.

Отец родимый! Мать родная!
Как безотрадно жить, не зная,
Где чары взять, что вас вернут
Хотя б на несколько минут.

Чтоб, увидав святые лица,
Сумел я горько повиниться,
О муках рассказать моих
И о грехах (так много их) ...

Но, может быть, в Бескрайней Дали,
Вы все и знаете, и знали
О жалких тайнах бытия,
В которых заблудился я?..

1978

ЕВРЕЙСКОМ НАРОДУ

Избранный Б-гом, народами проклятый,
Многострадальный народ!
Зря исторгаешь душевные вопли ты:
Мир все равно не поймет.

Может быть, этому главной причиной
То, что забыта тобой
Главная заповедь: верой единою
Жить и единой судьбой.

Мир этот, созданный волей Вс-вышнего,
Полон страданий и благ.
Нет в этом мире ненужного, лишнего.
Глупость — ужаснейший враг.

14 октября 2002 года

ЛОЖЬ

Рожденная страхом и злобой,
Иль ненавистью особой,
Иль завистью мелкой, убогой —
Страшнее ее не найдешь.

Она лишь себя уважает ...
Друзей навсегда разлучает,
Большую войну начинает —
И в сердце стреляет ложь.

Ноябрь 2005 года

НА ВЕЧОРКЕ

На вечорке весело
Час летел за часом
Перзвоном песенным,
Русским переплясом.
А в углу досадовал
Паренек нескладный,
И тянулся взглядом он
К девушке нарядной.

Та глаза лукавые
Щурила задорно,
Проплывала павою
На кругу просторном,
Гармонисту ласково
Головой кивала,
Песнею и пляскою
Сердце волновала.

Плясунам завидуя,
От любви пьянея,
Хмурился с обидою
Парень все сильнее.

И не знал, что нравится
Он, такой нескладный,
Молодой красавице,
Стройной и нарядной.

1955

НЕТ, НЕ ЗАБЫЛ Я ...

Нет, не забыл я ничего:
Я помню взгляда зов глубинный,
И поцелуй — смешной, невинный,
И срыв дыханья своего.

Я помню все: доверье рук,
Прогулок молчаливых нежность,
И страсти жадную безбрежность,
И двух сердец набатный стук.

Я помню твой крылатый бег
Навстречу мне, и звон свиданий,
И неожиданность признаний,
И клятвы в верности навек.

Я помню ярость первых ссор —
И сладость бурных примирений,
Кошмары вещей сновидений —
И писем тающий костер ...

1981

НОВОГОДНИЙ ТОСТ В КЛУБЕ

Мы в клубе собрались сегодня,
Чтоб теплые слова сказать
И в светлый праздник новогодний
Добра друг другу пожелать.

Врачи, певцы и инженеры,
Бухгалтеры и маляры,
Теперь мы все пенсионеры,
Свидетели былой поры.

Год нынешний и год минувший
Соединяет краткий миг.
Но все ж пусть новый будет лучше —
И с самых первых дней своих.

И руки дружбы пусть в пожатьи
Врагов былых соединят,
И на планете люди-братья
Пусть мир любви соорудят.

1995

СЛЕПОЙ

Ведомый собакой печальной,
Он шел, торопясь, тротуаром.
Куда он спешил и зачем?

Постукивал белую палкой,
Еще не совсем доверяя
Хвостатому поводырю.

Боялся я: вдруг он споткнется
Иль врежется в столб он фонарный?
Иль выпустит поводыря ...

Я видел: он молод и крепок,
Он многое сделать смог бы,
Когда б не его слепота.

И чувствовал я виновным
Себя в его горьком несчастье,
Как будто его ослепил.

Как будто украл его зренье.
Ка будто я вместо собаки
Обязан слепого водить.

А солнышко в небе сияло,
Прекрасный пейзаж озаряя,
Весь мир согревая теплом.

Но было оно равнодушно
К страданиям слепых на планете
И к участи поводырей.

Сентябрь 2005

СПАСИБО

Я верю: ты добра хотела
Себе и мне, когда звала.
Когда пленила чудом тела,
Солгав, что душу отдала.

Ну что ж, спасибо за участие,
За искреннюю доброту,
За вспышку призрачного счастья ...
За возвращенье в темноту.

1971

УЛИЦА АЗАИТ

Едет автобус вдоль по Азаит.
Здесь познакомился я с Шуламит.
С той, что так рано из жизни ушла.
С той, что десяткам олим помогла:

Детям — окрепнуть на новом пути,
Старшим — работу, квартиру найти.
В клубе «Надежда» была Шуламит
Другом любимым. Как сердце болит

От безвозвратной потери олим!
Память в сердцах благодарно храним.
Едет автобус вдоль по Азаит —
Вижу и слышу тебя, Шуламит!

13 февраля 2004 года

БЛАГОДАРЕНИЕ

Благодарю Тебя, Вс-вышний,
За дни и сны, за свет и тьму,
За каждый миг, что Ты даришь мне,
За близость сердцу моему.

За то, что дал мне наслаждаться
Природой, музыкой, вином.
За то, что смог я оказаться
В краю желанном и родном.

За то, что искренние строки
Порой умею рифмовать.
За тайну Истины глубокой —
Той, что не смог умом познать.

1992—2001

ВИДЕНИЕ

В тот день, в шабат,
пришел он в нашу большую синагогу —
неведомый дотоле человек
в одежде скромной,
с внешностью обычной.
Глаза лишь оживляли
худое, изможденное лицо:
В них был Огонь Великой Веры.
Он встал — высокий и прямой
необычайно.
Он встал один —
и протянул худые руки
молящим, зовным,
ликующим и гордым жестом
Ввысь.
И произнес подобно грому,
не в такт
молитве общей,
всем давно известной,
Слова знакомые:
— Благословен Ты, Г-сподин наш!
Г-сподь наш, Царь Вселенной!

И к нам он повернулся.
И сказал
на древнем арамейском:
— Машиах близится!
Так будьте же достойны,
сыны прапредков, Тору получивших,
того, что совершится:
Единством и Любовью бесконечной
к народу своему и к Г-сподину
С надеждой обновите души
бессмертные свои.
И заповеди каменных скрижалей,
не медля, не колеблясь,
вы целью своей жизни
объявите.
И следуйте им дружно.
Я сказал.
И вмиг исчез
тот странный незнакомец,
обычный человек
в одежде бедной.
И бледное молчанье
воцарилось
среди молившихся дотоле
так привычно.
Привычно и спокойно,
как теперь уж

и не придется ...
Я видел это, слышал.
Но не решился у других спросить,
им тоже это виделось
иль только я один
свидетелем был чудного явления,
отвлечшись от молитвы общей,
чего не должен был я делать
Но четко вижу я с тех пор
Глаза
и слышу Голос ...

*Рамат-ашарон,
19 февраля 2002 года*

Зое Александровне Перельгиной

ГРЕЗЫ ЛЮБВИ

Играла девушка на старом пианино
Ноктюрн прекраснейший Ференца Листа.
Я слушал — и душа моя от счастья,
Блаженства и любви затрепетала.

Все громче, громче звуки раздавались,
И страстный зов мне слышался неясный.
К чему? Куда те звуки душу звали?
Ответить я не смог бы в те минуты.

Вот прозвучал последний звук — и снова
Окрестный мир явился, пыльный, серый,
С заботами суетными, пустыми,
С изменами, предательством и ложью.

Но из души не выплеснулось чудо
Соединенья с тайною великой:
Звучала музыка в душе печальной,
Ей бодрость и надежду возвращая.

Прошли года, прошли десятилетия,
Но жив в душе ноктюрн Листа третий.
Тех «Грез любви» пьянящая услада
Событий горечь ласково смягчает.

6 февраля 2005 года

ДУША АДАМА

У человечества — единая душа,
Душа ушедшего прапращура Адама.
Она раздробленностью впрямь нехороша:
Она дробится — и все мельче — так упрямо ...

Распалась некогда тысконок на шестьсот,
На миллиарды счет частиц идет сегодня.
Все мельче души, все труднее их подсчет,
И все тревожнее за нас печаль Г-сподня.

Мельчают души, зверь рычит в людских телах.
Рычит сквозь песню,
сквозь экран —

и сквозь поступок.

Рычит в любви, рычит в молитвенных словах,
Рычит в рекламе предлагаемых покупок.

Чем мельче души, тем сильнее ярый крик.
И тем сильней всех ясно мыслящих тревога
И зов:

— Опомнитесь! Так близок страшный миг,
Когда иссякнут и любовь, и милость Б-га!

13 ноября 2002 года

КОШКА

Одноглазая пестрая кошка
Без одной половины хвоста
Поутру заглянула в окошко —
Неспроста.

Неспроста.

Неспроста.

Я живу в полутемном подвале —
За свои и чужие грехи,
И нужны той бедняжке едва ли
Сочиненные мною стихи.

Ей бы — курьего мяса кусочек,
Ей бы — тепленького молочка!
Кошка жизненной радости хочет,
Что ей боль моя, мыслей тоска?!

Три котенка — за нею, бесхвостой, —
След любви разномастных котов.
Смотрит глаз ее жутко, не просто —
И поверить я в ведьму готов.

1995

ПЛАЧ О МАТЕРИ

Всему на свете есть начало:
Я знаю, был далекий миг —
Натужно, мама, ты кричала,
Чтоб я издал свой первый крик ...
Под взрывы бомб и гром орудий
Умела ты не унывать.
Но годы шли — менялись люди.
Тебя старушкой стали звать.
Наивна и добра, как дети,
И бескорытна, как любовь,
Моя единственная в свете,
Тебя живою вижу вновь:
Святые ласковые руки,
Спешащий шаркающий шаг ...
Твоих последних болей муки —
И твердость мужества в глазах ...

1975

СЛОВО О РЕБЕ

Во имя прекрасных и добрых начал
Великих гаонов Творец посылал,
И в веке двадцатом ниспослан был он —
Наш ребе, Менахем Мендел Шнеерсон.

Работа великих гаонов сложна,
В одном поколении почти не видна.
Но каждый из гениев сделал, что смог,
Чтоб к истине шли миллионы дорог.

Я верю: как прежде, он с нами сейчас.
Душа его светлая в каждом из нас
Пробудит те силы еврейской души,
Что чистым порывом к Добру хороши.
И ритмом единым забьются сердца,
Чтоб в жизнь воплотились заветы Творца.
И путь наш незримо укажет нам он —
Любавичский ребе-гаон Шнеерсон.

И Тот, Кто всегда — и везде — и во всем,
Чей Образ в душе мы от века несем,
Простит нас с любовью — и радостно мы
Одержим победу над силами тьмы!

1993

СОДЕРЖАНИЕ

Из цикла «Истина»	3
Безответность	4
Грани	6
Безумие	8
Маятник	10
Под грозой	11
Из цикла «Песнь о России»	12
Память о России	13
Гроза на Иртыше	15
Напоминание	17
Владимиру Ванину	20
Осень	21
Из цикла «Земля Обетованная»	23
Возвращение	24
Окно небес	26
Стена синагоги	28
Твое дерево	30
Хаелет	32

Из цикла «Герои»	33
День Победы	34
Варшавское гетто	36
Вдвоем (Старый граф)	38
Слезы	40
Слово о женщине	42
Из цикла «Мольба»	44
Пусть будет так!	45
Монолог	47
Чтоб забыл	49
Слов не надо!	50
Из цикла «Боль»	51
Баллада о шести миллионах	52
Друг	56
Душа	57
Не сердись	58
Ничей	60
Памятник (Мать)	62
Половицы	63
Пух тополиный	64
Черное знамя	66
Жолудь	68
Силы грозные	70

Из цикла «Признание»	71
Чудо	72
Гадание (Ворожея)	73
Трясогузочка	75
Самообман	77
В храме	78
Исповедь	79
Из цикла «Музы»	80
Мой Пушкин	81
Глаза	82
Голос Анны Герман	84
Дирижер	85
Концерт Рихтера	86
Поэт (Тропка)	87
Шалаш	88
Из цикла «Песни»	90
Массовик	91
Песня о разлуке	93
Песня туристов	95
Едут люди	97
Из цикла «Басни»	99
Секрет осла	100
Лишайник и Скала	103
Скунс	105

Цена	107
Из цикла «Улыбка»	109
Улыбка	110
Несправедливость	111
Самый-самый	112
Голоса птиц	114
Мечтания	116
Из цикла «Усмешка»	118
Заблудшие	119
Продажа	121
Воробей	123
Горькие слезы (Поздние слезы)	124
Еврейском народу	125
Ложь	126
На вечерке	127
Нет, не забыл я	129
Новогодний тост в клубе	130
Слепой	131
Спасибо	133
Улица Азаит	134
Благодарение	135
Видение	136
Грезы любви	139
Душа Адама	141

Кошка	142
Плач о матери	143
Слово о ребенке	144

Александр Герзон

«Нет, не забыл я»

Стихотворения разных лет

Редактор: М. Штереншис
Тех. редактор: В. Микизиль

Сдано в набор 20.10.2006.
Подписано в печать **.**.2006.
Бумага офсетная. Формат 70×90/32.
Гарнитура Петербург. Печать офсетная.
Тираж ***** экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в АПП «Джангар»
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245